

Актуализируя причитания:
взгляд причитальщицы на импровизацию
в конце XX–XXI вв.

Елена Ф. Югай

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
leta-u@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется отношение причитальщиц к исполняемым ими плачам. В других работах автора причитания изучаются как обрядовый фольклорный текст, положенный на мотив, имитирующий физиологический плач. Тексты состоят из фольклорных формул, их функция – установление коммуникации с мертвыми. Причитание исполняется специальными женщинами на похоронах и поминках. В этой статье рассматривается эмное (существующее внутри культуры) отношение исполнительниц причитаний к вопросу об импровизации. На материале интервью и комментариев, которые появляются в процессе записей причитаний, доказываемся, что представление о причитании как выражении горя – часть эмного представления причитальщиц. Тексты быличек и устных рассказов конструируют разные два типа причитальщиц – профессиональную плакальщицу за плату и горящую родственницу, спонтанно начинающую причитать на похоронах близких, при этом протагонистом становится вторая. Рассказы об обучении причету также работают на эту идею. Несмотря на существовавшие практики подготовки и обучению причитанию, есть необходимость поддерживать иллюзию спонтанности и личной эмоциональной вовлеченности.

Таким образом, этное (внешнее) представление о причитальщице как об обрядовом специалисте, ставшее результатом долгого и тщательного анализа текстов и практик, противоречит не только «романтическому» взгляду на мир первых собирателей фольклора, но и представлению, существующему внутри культуры.

Ключевые слова: фольклористика, этнология, причитание, причитальщица, импровизация, фольклорная формула, устный рассказ, похоронный обряд, поминальный обряд

Для цитирования: Югай Е.Ф. Актуализируя причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 36–49. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-36-49

Updating laments. Lamenters' views on improvisation in the late 20th – early 21st century

Elena F. Yugai

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, leta-u@yandex.ru*

Abstract. The paper analyzes a lamenter attitude towards her lament. In her other papers the author analyzed laments as a ritual folkloric text with a melody, which imitates weeping. The texts consist of folkloric formulas aiming to a communication with the dead. The lamentations are performed in funeral and commemoration feasts by special women called lamenters. The article researches lamenters' emic (existing within the culture) attitude of lamenters towards the question of improvisation. By the material from interviews and comments appearing in the process of recordings of lamentations, it is proved that the idea of lamenting as an expression of grief is part of the lamenters' emic concept of funeral lament. The texts of the bailichkas and oral narratives define two types of lamenters: a professional one, working for a fee, and a grieving relative, spontaneously beginning to lament at the funerals of relatives, and it is the second one, who becomes a protagonist. Tales of learning the lament also work on this idea. Despite the practice of training before the first lament, lamenters were to maintain an illusion of spontaneity and personal emotional involvement. Thus, the ethical notion of a lamenter as a ritual specialist, which was formed as the result of a long and careful analysis of texts and practices, contradicts not only the 'romantic' view of the world of the first collectors of folklore, but also the emotional representation that exists within the culture.

Keywords: folklore study, ethnology, lament, lamenter, improvisation, folklore formula, narration, funeral rite, commemoration rite

For citation: Yugai EF. Updating laments. Lamenters' views on improvisation in the late 20th – early 21st century. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;9:36-49 DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-36-49

Введение

Обрядовая практика исполнения причитаний на похоронах и поминках в деревнях Русского Севера включает в себя формульный текст и манеру исполнения, имитирующую реальный физиологический плач. Причитания осуществляют коммуникацию с умершими, переводят покойника в статус предка (похоронные причитания) или обеспечивают покровительство со стороны покойных родственников (поминальные причитания). В XX в. во многих деревнях Вологодской области традиция оставалась актуальной, но урбанизация населения, в том числе проникновение нового сценария похорон и иного траурного этикета, делали ее маргинальной в глазах части жителей.

Исследователи причитаний обращали внимание на мелодию и текст причитаний [1, 2], на обрядовый контекст, позволявший реализовать мифологические функции [3, 4], при этом взгляд самих исполнительниц никогда не подвергался аналитическому рассмотрению. На заре работы исследователей с причитаниями комментарии исполнительниц воспринимались как очевидные и соответствующие истине, позже – отбрасывались как ложные и несущественные.

В этой статье «эмные» – т. е. сделанные самими носителями традиции, изнутри культуры – суждения по поводу причитаний и фольклорные тексты, содержащие внутреннюю рефлекссию над этой практикой, становятся объектом анализа. Цель статьи – выявить тот образ причитания, который существует внутри культуры, и понять, как он конструируется.

Как становились причитальщицами

Стереотип о причитании как прямом отражении горя появился у образованных людей с первыми публикациями причётов в первой половине XIX в. и оставался актуальным для «романтической» трактовки плачей. Е.В. Барсов, собиратель и составитель самой известной публикации причитаний, определял их как «непосредственные излияния тех дум и ощущений, какие вызываются в человеке потерю родных и близких сердцу» [5 с. 2]. Однако дальнейшее филологическое, этнологическое и антропологическое изучение этой практики показало обратное: причитания предохраняют от избыточного горя вдовы и сирот, регламентируют эмоции, тогда как сами плакальщицы часто работали за плату, были своего

рода обрядовыми специалистами. Тексты причитаний строятся по строгим законам, они формульны, и выбор формул зависит от региональной традиции и типа причёта. Этнические (внешние) определения причёта отделяют его от слез как таковых и от эмоциональности (по крайней мере, относительно самой причитальщицы) и связывают с представлениями о посмертном существовании.

Умение причитать у людей 1920–1940 гг. рождения хотя и было нередким среди жительниц вологодских деревень, все-таки встречалось не повсеместно, поэтому требовало объяснения. В интервью способность исполнять хорошие причёты, способные «разредить» всех, связывалась с частыми похоронами или особенностью характера причитальщицы.

Она очень много в жизни пережила, одна четырех дочерей вырастила. От безысходности, от тяжелой жизни... Тетя Марфа очень сильно причитала. <...> «Аннушка, какая ты у меня была хорошая, да почему так получилось, что ты раньше ушла, на кого ты меня оставила». Всю свою боль она в причитках и передавала [Инф. 1].

Эта психологическая трактовка не объясняет, почему другие женщины, потерявшие близких и любимых, не становились причитальщицами. В севернорусских деревнях второй половины XX в. умение выражать горе именно в таких формах очевидно более редкое, чем наличие трагической семейной истории.

О другой женщине, известной своими причитаниями, говорится:

З.С.Р. ...она была артистка самая настоящая...

Г.С.: комичка...

З.С.Р. ...комическая, что она вытворяла. Она любила святки, наряжалась: нарисует это, тут бороду привесит, одевалась, какую-нибудь шапку, Бог знает, что найдет. Искать долго не надо – все кругом тряпье да резье тогда было. Не было одежды. Но она очень похабные песни пела, ужасно похабные, и знала же откуда-то.

<...>

З.С.Р. Веселая. Интересная, с ней интересно было разговаривать [Инф. 2, Инф. 3].

О причитаниях этой исполнительницы вспоминают:

З.С.Р. <...> Это просто как спектакль.

Г.С. Говорит-говорит...

З.С.Р. ...и тут же она могла отдохнуть, посидеть, поговорить о чем-то...

Г.С. ...потом опять покричит по покойнику...

З.С.Р. Она плакала больше для присутствующих [Инф. 2, Инф. 3].

Для последнего поколения носителей традиции рисуется два пути к исполнению плачей. Первый – через тяжелую судьбу, которая приводила к тому, что человек становился специалистом по погребальному ритуалу и всему с ним связанному. Умение плакать причётом ассоциируется с сильным характером, а сила преодолеть собственное горе оборачивается силой воздействовать на других. Второй – через артистический дар, который позволял играть роль «заподилы» как на праздниках, так и на похоронах, правильным, с точки зрения традиционной культуры, образом регулируя эмоциональный настрой собравшихся. Также в последнем поколении было много женщин, которые исполняли причитания несколько раз в жизни, плакали по своим родным как умели. Они были в состоянии собрать текст из формул, которые слышали от других прежде, но это не становилось их специализацией. Именно такая женщина становится протагонистом приведенного ниже рассказа об обучении причёту.

И хотя сценарий превращения в плакальщицу через собственное горе меньше отражает суть практики, упор на эту идею – часть эмпатического понимания причитания. Поэтому, показывая причёт вне обряда (и вне горя), причитальщицы комментируют текст таким образом, чтобы он казался более личным, пережитым.

Рождение нарратива из формулы

Многие фольклорные тексты состоят из застывших сочетаний слов, имеющих определенное значение. В них, как в закрытых капсулах, культурные смыслы передаются через века, даже если они неясны для конкретного рассказчика. Эти сочетания были названы «формулами», а качество текста – «формульностью». Исполнительницы причитаний часто не осознают формульность жанра:

Молодые говорят: «Эх, мы не умием». «Ты бы сегодня поревела, ну-ка, мужик умер!» – «А не умию, дак как буду?» – «Как не умиешь? Тут само по себе уж. Само по себе вызывает причёт-от» [6 с. 96].

На вопрос собирателя, а как именно надо причитать, могут ответить: *Возьми да и попрочитай, что-нибудь пособирай* [Инф. 4], в уверенности, что это под силу любому.

Чаще всего современные причитания записываются в ситуации интервью. В этом случае причитальщица имеет возможность комментировать текст. Можно выделить несколько типов таких комментариев. Первый – это *присвоение* текста. Подчеркивается правильность устойчивой формулы, ее применимость к жизни причитальщицы.

Вот эдак и ревут, девочки: «одна-одинёшенька», верно, «ни к которому берегу не приплыть, не приплавати...». Всю, девочки, я вот эдак и жизнь прожила. Восемьдесят первый год уж [6 с. 91].

Присваиваться могут не только метафизические, но и конкретные образы. Причитальщица комментирует фрагмент «Наша свитлица-то несчастная, / На сыром да месте рублена, / На голодных конях возжена» так: *не было техники, тракторов* [Инф. 5]. Хотя выражение «на голодных конях возжена» является фольклорной формулой, самим причитальщицам причёт кажется жанром более конкретным, соотносимым с реальностью – кони упоминаются в причётах не потому, что это метафора перемещения, а потому, что на момент создания текста не было тракторов.

Второй тип – *адаптация* формул. Вспоминая один из своих причётов, где умершего просят проститься «Со своей да новой горенкой, / Со своими да малым детушкам», исполнительница объясняет отступление от формулы: «Милым детушкам. Уж не малые, а милые – большие были, так батьку провожала я» [7 с. 69].

В этом случае идея формульности текста сохраняется, но исполнительница как будто приоткрывает «кухню» собирания причёта – для удачной импровизации формулы можно «подгонять» под ситуацию.

И наконец, третий тип – *персонализация* формул. Как редкие, обратившие на себя внимание информанта вспоминаются строчки: «Все-те люди насмехалисе, / И вороны-те все накаркалисе» [Инф. 6]. Исполнительница подчеркивает нетипичность и ситуативность причёта: *женщина отняла от бабы мужика, а он умер. Мать умершего причитала*. Однако паралелизм злословящих людей и каркающих (лающих) ворон есть в причитаниях знаменитой И. Федосовой: «Добры людюшки меня да приобаяли, / Черны вороны талан, знать, приобаяли!» [8 с. 309]. То есть это формула – как и все вышеописанное. Но в рассказе она становится личным вкладом причитальщицы в традицию.

Никаких других – типичных – фрагментов причитаний в рассказе не приводится. Цель информанта не показать, как это бывает

вообще, а рассказать о некоем особо примечательном причёте, передать воспоминание о редком, на взгляд информантов, уникальном случае, свидетелем которого они являлись.

Ниже мы рассмотрим кейс персонализации формулы в устном рассказе, записанном в Тарногском районе Вологодской области в начале XXI в., но сначала остановимся на идее пробуждения навыка причитать у деревенских женщин XX в.

Рассказы о первом причёте и обучении причитать

Идея горя как «учителя» отражается в ответах на вопрос о том, как научились причитать:

Начала причитать-то девяти годов. От брата пришла похоронная. С войны. Принесли нам, а я была дома дак. Начала с этого причитать. Потом уж говорят: «Хорошо, хорошо у тебя получается». Стала да стала причитать. Свои-ти – так повадно и причитать [5 с. 32].

Я не причитала до вот чего: тридцать пять лет мне было, я овдовела. Мой мужик умер, вот об ём и запричитала. И после того стала причитать. И второй умер потом, дак и ко второму причитала [5 с. 96].

Горе-то заставит, как Нинка-то <дочь> умерла, <я> ходила к мамке своей поди месяц на могилу, там все писни нашла, всё на свете выскажу. Она <дочь> в Вологде похоронена дак. Родственник – когды пойдёшь, там и найдёшь писню [5 с. 25].

Вопрос о приобретении навыка подменяется вопросом о его пробуждении. Действительно, первый чаще всего связан с первой смертью среди близких, приобретением статуса сироты или вдовы, но это не ответ на вопрос, каким образом «приходят слова».

На практике многие пробовали причитать заранее, уходя в безлюдные места, готовились, слушая более опытных причитальщиц:

Е.Ю.: А как Вы причитать-то учились?

А.В.П.: У нас через дорогу-то жила Саня. У Сани были два сына. ...Ребята-та не слушали. Дети-ти. «Ребята, попасите телят». А они убежат. Дак она седет к окошку, да до чево допричитает. Я отворю окно (у нас напротив дак). Я у её и научилась [Инф. 7].

«Недоученность» плачеи служит предметом рассказов. В. Ковпик рассматривает «рассказы о неумелых плакальщицах» [9]

с точки зрения способов создания комического эффекта. Неудачные импровизации – реальные или смоделированные – становятся предметом рассказа. При этом в таких импровизациях чаще всего появляется фривольный подтекст. Страх опозориться на первом причёте фиксируется в записях из архива Г.Р. Державина: «Молодые девочки заблаговременно учатся вопить, как благородные наши девицы учатся танцевать и петь. “Вопить не умеет” – такой же почти упрек, как “прясть не умеет”» [10 с. 146].

Но и сама практика готовиться к исполнению причитания может подвергаться осуждению. Так в Кадуйском районе Вологодской области записаны две былички, предупреждающие об опасности попыток подготовиться к причитанию.

Сюжетным ядром былички становится нарушение места или времени причитания, что вызывает появление нечистой силы:

Села в лесу, от деревни недалеко на пенек и говорю: «Давай причитать учишься...» Завела голосом... Голову-то подняла, сынок, а стоит передо мной мушшина. Брюки огненные, красные, рубаха синяя, пояс чёрной. А лича не видала. Дедко лесовой. Я перекрестиласи и давай бежать. <...> [А. К.: Так на причет лесовой пришел?] Да. В лесу грех причитать, а я в лесу [7 с. 88].

А потом овечь пасла. <...> Овец туды загнала, а сама села к стогу и начала голосом плакать. Шлёп мне по лбу! Ладонью. Серёде пожни. Овчи в углу, а мене ладонью по лбу, што вот так! Только лоб прозвенел. Я скочила, перекрестилась, ракшу выкосила... Овечь домой и боле не стала. А вот так голосом так это... [7 с. 89].

Здесь присутствуют такие стандартные элементы демонологического рассказа, как появление лешего в образе человека, возможность наказания от лешего за неправильное поведение в лесу, защита от лешего с помощью вовремя сотворенного креста.

Причитание в лесу не только оказывается в роли запретного действия, за которое леший может наказать, но и антиречью, которая привлекает нечеловеческих слушателей. В статье «Звуковой портрет нечистой силы» Л.Н. Виноградова пишет: «Показательны в этой связи широко известные у всех славян запреты петь, свистеть, кричать, аукаться, а также отвечать на чужой голос, так как подобными действиями человек якобы привлекает к себе духов и отдает себя в их власть» [11 с. 191].

Практика ухода в лес, в уединенное место, по-видимому, была обычной. Украинский материал начала XX в. содержит свидетель-

ства об обучении причёту во время выпаса скота [12 с. 322]. Но представление об опасности причитания вне обрядового контекста – оборотная сторона веры в его силу непосредственно на похоронах и поминках. Причитание – это магический текст, который меняет реальность, и в этом смысле навык должен передаваться (пробуждаться) внезапно и без усилий со стороны исполнителя (как, допустим, навык ворожбы и знание заговоров, которые, по представлениям, передаются через предмет, плевков в рот или какое-то другое разовое и моментальное действие) [13 с. 69–70].

На основании текстов устных рассказов, быличек и интервью, рассмотренных в комплексе, можно сделать вывод, что обучение искусству причитать – проблемная и двойственная тема. С одной стороны, оно необходимо, чтобы не потерпеть социальную неудачу при первом самостоятельном причёте, с другой – должно быть тщательно скрыто, чтобы идея персональности и некоторой «вдохновенности» плача, поддерживаемая в обществе, не разрушалась.

Горе vs другая причитальщица

Во многих случаях на вопрос о причитаниях фольклорист получает не текст самого плача, а устный рассказ о нем. И здесь важно понимать, что такие нарративы тоже складываются по определенным правилам.

В Тарногском районе записаны два рассказа, в которых информант рассказывает о появлении в тексте причёта импровизации:

Одна женщина не умела причитать. «Ой, у меня мама-то худая, скоро умрет, так научи-ка меня причитать», – говорит. <А соседка> говорила ей: «Так, настрижешь овцу, шерсти мне отдай, да и курицу вот эту, так я тебя научу причитать-то». Матка-то умерла. Она и сама запрочитала. Горе-то пришло:

Родимая мамушка,
Да ты пошто жё оставила,
Да на ково жё оставила,
Да сироту-то свою,
Не пожалела-то доченьку свою,
Да оставила ты меня
На чужие-те руки...

Ну, причитает так и причитает. Пришла эта – а она уж и причитает, у ей и получается хорошо. Та ей и говорит: «Ну так что, научилася?»
А та ей в ответ:

Научит горё плакати,
Да научит горё тужити,
Да без руна шерсти чёрные,
Да без рябые-то кутюшки.
Этой, своей соседке, которая руно шерсти просила [2 с. 55–57].

У бабы-то мужик-от умер. Худой уж он был. Она старуху попросила: «Научи причитать. Мужик-от умрет, я причитать не умею». Старуха-та ушла: «Ладно, говорит, научу». Да и не научила, так ушла. А, нет, она поучила ей.

А чего тебе за это?

Руно шерсти с овцы.

Руно шерсти унесла, старуха-та эта. Мужик-от умер.

Так она и запричитала, что: «Ой! научит горе плакати без руна шерсти чёрные», – сама и научилась. Што у тебя на уме, на душе наболело, так голосом тем же води, так оно и прилипает одно к одному. Вот и причёты, собираешь со всего лесу [2 с. 58].

В обоих текстах присутствует общая сюжетная схема:

- 1) женщина просит опытную причитальщицу за плату научить ее причитать;
- 2) смерть родственника происходит прежде завершения обучения;
- 3) женщина причитает на похоронах, у нее хорошо получается;
- 4) появляется фрагмент-импровизация в тексте причети.

Вариативность текстов проявляется в бытовых конкретных деталях: опытная причитальщица названа в одном случае соседка, в другом – старуха, и – что важнее – умершим родственником в одном случае является мать, в другом – муж. Рассказывающему важно не соблюсти фактическую точность, а передать идею (горе – лучший учитель причитания).

Первый фрагмент, записанный раньше, длиннее. Он содержит в себе больше строчек причёта, как «импровизационные», так и типичные: «Родимая мамушка, / Да ты пошто жё оставила» и др. Второй фрагмент короче, и в нем приведены только значимые для рассказа строчки. В завершение приводится вывод дидактического характера: «Что у тебя на уме, на душе наболело, так голосом тем же води, так оно и прилипает одно к одному. Вот и причёты, собираешь со всего лесу». Эти и другие отличия, при общей сюжетной схеме, позволяют говорить, что в данном случае комментарий к причёту, поданный как свидетельство очевидца, приобретает характеристики самостоятельного фольклорного текста, в котором присутствует структура и цель.

Первая часть фрагмента причитания находит параллель в преремиях: см. пермскую поговорку «Научит горе плакать, научит причитать» [14 с. 16]. Вторая часть, по мнению исследовательницы украинских причитаний И.М. Коваль-Фучило, восходит к украинским пародийным причитаниям «по чужому мужу», где руно – постоянная плата за такой плач [12 с. 327]. Все это свидетельствует в пользу того, что здесь мы имеем дело не с воспоминанием о причёте, а с устным рассказом, цель которого – создать социально одобряемый и социально неодобряемый портреты причитальщиц.

Этот рассказ разводит роли причитальщицы-специалиста и причитальщицы – женщины, которую посетило горе, подчеркивая превосходство последней.

Таким образом, этное представление о причитальщице как об обрядовом специалисте, ставшее результатом долгого и тщательного анализа текстов и практик, противоречит не только «романтическому» взгляду на мир первых собирателей фольклора, но и эмному представлению, существующему внутри культуры.

С одной стороны, существовали подготовки к причитанию, тренировки, целенаправленного вслушивания и, возможно, обучение за плату (хотя вопрос о последнем остается открытым в силу явной формальности записанного текста).

С другой – вокруг текстов самих причитаний и практик их исполнения складывается комплекс текстов, оценивающих правильные и неправильные с точки зрения социума модели поведения причитальщиц. Иллюзия спонтанности и личной вовлеченности причитальщицы поддерживается комментариями самих исполнительниц.

Мелодия, при всей своей ритмичности, должна не терять связи с прототипом – плачем слезами, только тогда выполнение обрядовой функции будет успешным. Подобно этому связь поэтических формул с бытовыми словами любви и горя должна постоянно актуализироваться причитальщицами и их аудиторией. В частности, это происходит в форме комментариев и устных рассказов, которые также формульны и неслучайны.

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00286 А «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

The paper was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the project № 16-06-00286 “Monitoring Contemporary Folklore: Database and Corpus-Based Analysis” carried out in The Centre for Applied Urban Studies of the Moscow School of Social and Economic Sciences.

Список информантов

- Инф. 1. – Личный архив автора. Дочь А.К.С., 1925 г. р. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап.: Югай Е.Ф., Дудкин А.А. 29.07.2015.
- Инф. 2, Инф. 3 – Личный архив автора. З.С.Р., 1939 г. р., Г.С.Р., 1937 г. р. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап.: Югай Е.Ф., Дудкин А.А. 29.07.2015.
- Инф. 4 – Личный архив автора. Никольский р-н, д. Вахнево. 2016.
- Инф. 5 – Личный архив автора. Исп. Тиканова Е.К., 1925 г. р. Род. – д. Орлово, Вологодская обл., Белозерский р-н, с. Маэкса. Зап.: Зуева Т.А., Югай Е.Ф. 2011.
- Инф. 6 – Вологодский детско-юношеский центр традиционной народной культуры. Зап. от Ванюшиной М.М., 1926 г. р. Вологодская обл., Вожегодский р-н, д. Нефёдовская. Зап.: Шохина Н.Е. АФ 1191. № 17. 2006.
- Инф. 7 – Личный архив автора. А.В.П., 1937 г. р. Вологодская обл., Тотемский р-н, Вожбальский с/с, д. Кудринская. Зап.: Югай Е.Ф. 2017.

Литература

1. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. М.: Советский композитор, 1980. 392 с.
2. *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита: Тип. Дальпрофсовета, 1922. 128 с.
3. *Алексеевский М.Д.* Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227–262.
4. *Толстая С.М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и голоса в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 135–148.
5. *Барсов Е.В.* Причитанья Северного края. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М.: Тип. «Современные Известия», 1872. 327 с.
6. «Не пристать, не приехать ни к которому берегу»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Ф. Югай. Вып. 1: Тотемский, Тарногский, Бабушкинский и Никольский районы. Вологда: Вологодский областной детско-юношеский центр традиционной народной культуры, 2011. 112 с.
7. «Потеряла я потерюшку...»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Ф. Югай. Вып. 2: Кадуйский район. Череповец: ООО «Издательский дом – Принт», 2016. 128 с.
8. *Круглов Ю.Г.* Обрядовая поэзия. Кн. 3: Причитания. М.: Русская книга, 2000. 506 с.

9. *Ковтик В.А.* Способы создания комического эффекта в пародийных причитаниях: На материале анекдотических рассказов о неумелых плакальщицах // Традиционная культура. 2004. № 3. С. 75–79.
10. *Лотман Ю.М.* Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г.Р. Державина // Русская литература. 1960. № 3. С. 145–150.
11. *Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 179–199.
12. *Коваль-Фучило И.М.* Восточнославянские причитания: особенности передачи (взгляд изнутри традиции) // Заједничко по славенском фолклору. Белград, 2012. С. 321–334.
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: Переправа через воду – Сито. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
14. К пиру едется, а к слову молвится: Народная паремика Пермского края / Науч. ред. И.А. Подюков. СПб.: Маматов, 2014. 171 с.

References

1. Efimenkova BB. The North Russian Lamentation. Moscow: Sovetskii kompozitor Publ.; 1980. 392 p. (In Russ.)
2. Azadovsky MK. The laments of Lena-river. Chita: Tipografiya Dal'profsoвета Publ.; 1922. 128 p. (In Russ.)
3. Alekseevsky MD. The Motive of the Reviving of the Deceased in Northern Russian funeral Laments: Text and Ritual Context. *Forum for Anthropology and Culture*. 2007;6:227-62. (In Russ.)
4. Tolstaya SM. The Ritual Lament: Vocabulary, Semantics, Pragmatics. V: *The World Sounding and Silent: The Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs*. Moscow: Indrik Publ.; 1999. p. 135-48. (In Russ.)
5. Barsov EV. The Laments of the North Region. Part1: The Funeral Laments. Moscow: Tipografiya "Sovremennye Izvestiya" Publ.; 1872. 327 p. (In Russ.)
6. Yugai EF, comp. "Can neither Moor nor Stick to Any Shore": Funeral Lamentation of Vologda Region. Iss. 1: Totemsky (Totma), Tarnogsky (Tarnoga), Nikolsky (Nikolsk) districts. Vologda: Vologodskii oblastnoi detsko-yunosheskii tsentr traditsionnoi narodnoi kul'tury Publ.; 2011. 112 p. (In Russ.)
7. Yugai EF, comp. "I Have Lost My Little Loss": Funeral Lamentations of Vologda Region. / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Ф. Юрай. Iss. 2: Kaduy, Cherepovets: Izdatel'skii dom – Print Publ.; 2016. 128 p. (In Russ.)
8. Kruglov YuG. The Ritual Poetry. Vol. 3: Lamentation. Moscow: Russkaya kniga Publ.; 2000. 506 p. (In Russ.)

9. Kovpik VA. Ways of creating a comic effect in parodic lamentations. By the material of anecdotal stories about the unskillful lamenters. *Traditsionnaya kul'tura*. 2004;3:75-9. (In Russ.)
10. Lotman YuM. The Records of folk laments of the early 19th century from the archive of G.R. Derzhavin. *Russkaya literatura*. 1960;3:145-50. (In Russ.)
11. Vinogradova LN. The Sonic Portrait of the Evil Spirit. V: *The World Sounding and Silent: The Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs*. Moscow: Indrik Publ.; 1999. p. 179-99. (In Russ.)
12. Koval-Fuchilo IM. The East-Slavic Lamentations: Features of the Transfer (a view from within the tradition). V: *Заядничко по славенскому фольклору*. Белград, 2012. p. 321-34. (In Russ.)
13. Tolstoi NI., ed. Slavic antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 4: Water crossing ferry-Sieve. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2009. 656 p. (In Russ.)
14. Podyukov IA., ed. To the feast it is going, and to the word it is said. Folklore Paremics of Perm Krai. Sankt-Peterburg: Mamatov Publ.; 2014. 171 p.

Информация об авторе

Елена Ф. Югай, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; leta-u@yandex.ru

Information about the author

Elena F. Yugai, PhD in Philology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; leta-u@yandex.ru